

История дневника Нижинского

Вацлав Нижинский в балете «Послеполуденный отдых фавна».

Когда читаешь последнюю страницу, сбивчивую, теряющую нить, то так и слышишь, как они нетерпеливо кричат, торопя: на один поезд уже опоздали (что дало Нижинскому возможность написать несколько последних страниц), и может уйти другой. Нижинского увозят. Вот чем на самом деле заканчиваются его записки:

«Я пойду на вокзал пешком, а не на извозчике. Если все поедут, то я тоже поеду. Бог хочет показать людям, что я такой же человек, как и они.....»

Я пойду сейчас.....

Я жду.....

Я не хочу.....

Я пойду к матери моей жены и буду с ней разговаривать, ибо я не хочу, чтобы она думала, что я люблю Оскара больше (прим.: Оскар — тёсть Нижинского, муж матери Ромолы). Я проверяю ее чувства. Она еще не умерла, ибо она завистлива.....»

Так заканчивается вторая и последняя часть записок Нижинского, «Смерть». Нижинский не успевает даже подписаться, как под первой частью, «Жизнь»: «Бог Нижинский», а вовсе не «Бог и Нижинский», как в изданном «Галлимаром» «Дневнике». Не успевает поставить дату. Это было 4 марта, день отъезда Нижинского из Сен-Морица в Цюрих, в сопровождении жены и ее матери с мужем, которые никуда, раз приехав, не исчезали и, собственно, за этим и приезжали. В Цюрихе его осматривают врачи, и по их рекомендации он будет помещен в санаторий Белью — лечебницу для душевнобольных.

В недавно вышедшей книге американского психиатра Оствальда подробно описана тридцатилетняя одиссея Нижинского-душевнобольного. Как отмечает доктор Оствальд, состояние Нижинского в больнице резко ухудшилось, и о каком бы то ни было творчестве — а он не только писал свою «книгу», но и много рисовал в предшествовавшие заключение в больницу месяцы, клеил макеты декораций — уже не было речи. Тетради Нижинского, после того, как с ними ознакомились лечащие врачи и другие психиатры, остались у Ромолы Нижинской. Когда в тридцатые годы она решил их издать, она скажет, что нашла их случайно в одном из старых чемоданов. Издать их полностью, без купюр, очевидно, было тогда невозможно. С безымянным доктором, на самом деле доктором Френкелем, первым врачом Нижинского, что-то у нее произошло, чуть ли не роман, а затем разрыв. Незнакомка А. на самом деле была родная сестра Ромолы, Тэсса. В те не столь далекие времена было не все равно, этично или неэтично, прилично или неприлично. Вдобавок, то, что представляло инте-

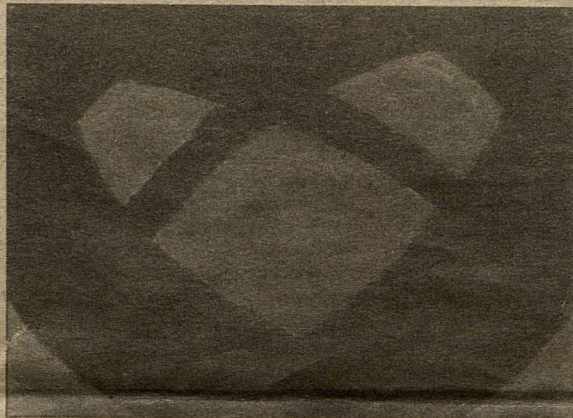
рес для специалиста, психиатра, было бы скучно и непонятно для широкого круга читающей публики. Но то, что отобранные отрывки были перетасованы как попало, конечно, жаль. Многие в течение пятидесяти лет ломали голову над «Дневником», теряясь в догадках.

Но каждая мысль о переиздании наталкивалась на запрет жены Нижинского. Ромола Нижинская скончалась в 1978 году, но и после ее смерти обе дочери, Кира и Тамара Нижинские отказывались от публикации, выполняя ее волю. Тем временем, перед очередной продажей трех тетрадей, представляющих собой собственно «книгу» Нижинского, сделан был очень точный английский перевод. Переводчик очень тонко обошел все камни преткновения, в изобилии встречающиеся в тексте, — а были там и полонизмы, поскольку родной язык Нижинского польский, и галлицизмы, потому что последние десять лет своей жизни Нижинский объяснялся с женой и окружающими по-французски и слова стали у него путаться — явление обычное, судя по тому, как пожившие год в Париже русские иначе не говорят как «брать

нованный на более точном переводе, который до этого использовался специалистами, существуя как бы под грифом «для служебного пользования», и на публикацию полного текста тетрадей. Издать знаменитую книгу решилось издательство «Акт сюд» и, надо отдать этому издательству должное, совершило тем самым смелый поступок. Полный текст записок Нижинского труден, он предназначен скорее для специалистов, историков искусства, хорошо знакомых с творчеством Нижинского, или психиатров — хотя в то же время это уникальный человеческий документ, и ли-

На афише «Русского сезона» Тамара Карсавина и Вацлав Нижинский в балете «Сильфиды».

Наверху — рисунок Нижинского «Глаза войны». Внизу — Вацлав Нижинский, Людмила Шоллар и Тамара Карсавина в балете Нижинского «Игры».

метро». Но того порядка, в котором лежали тетради, он нарушать не стал — или не заметил хронологических совпадений и не обратил внимания на странное начало лежавшей первой тетради: «Я не могу больше доверять моей жене, ибо я почувствовал, что она хочет отдать эти тетради доктору Френкелю для исследования». И никто не сказал себе: «Позвольте, какие тетради во множественном числе, если это первая, и к тому же в самом начале?»

Некоторые, конечно, засомневались, в том числе и Кристиан Львовский, сделавший перевод этого английского текста на французский, на основе которого был создан спектакль, имевший недавно большой успех, в котором один актер, очень талантливый Реджеб Митровица, читает в течение двух часов дневник Нижинского, держа зрителя в невероятном напряжении. А вот русскому зрителю не так повезло: русский спектакль, в котором не менее талантливый Олег Меньшиков, тоже один, держит зрителя в не меньшем напряжении, сделан по переводу с фальсифицированного Ромолой «дневника», изданного в 1936 году по-английски и в 1953 году по-французски. В то время как русский текст был мною уже давно расшифрован и отпечатан, и с него уже частично сделан был перевод на французский. Но тут Тамара и Кира Нижинские любезно дали разрешение и на спектакль,

бы писателем, но сам факт, что «Дневником» зачитывались, что он стал чуть ли не бестселлером, что и послужило дополнительным поводом в пользу переиздания, говорит за себя.

Когда мы с Кристианом Львовским объединили наши переводы и стали работать над окончательным вариантом для французского издания, мы столкнулись с таким множеством трудностей перевода этого на первый взгляд легкого текста, с каким мне не приходилось встречаться, наверное, никогда — даже при переводе Сен-Жон Перса. Мы решили не делать из послания Нижинского «изящной словесности», так многих очаровавшей благодаря французскому переводчику г-ну Сольпрею. Может быть, мы тем самым многих разочаровали. Мы не стремились дать «самый точный из всех перевод» — вопль души самых плохих переводчиков. Мы стремились сохранить дух оригинала, не исказить, не помешать Нижинскому сказать то, что он так хотел успеть сказать людям, недоедая, недосыпая, ратая до боли в глазах и в спине, косясь, как над пропастью, между

светом и мраком. Эти тетради — а книга вышла под названием «Тетради» с подзаголовком «Чувство» — своего рода «черный ящик» погибающего самолета. В них, кроме неизбежности болезни, конца, отражено состояние души артиста, поднявшегося до самых вершин искусства, когда уже некуда идти. Дальше нет уже крутизны, а только небо и Бог. Так было с Гоголем или Толстым — обоих Нижинский очень чтит и, наверное, понимал.

Полный текст трех тетрадей Нижинского, с добавлением нескольких писем, о которых идет речь в этих тетрадях, вышел в свет во Франции. Он и сам, опасаясь, что в Швейцарии издать такое было бы затруднительно, надеялся, что в Париже это удастся, потому что там публика его понимает. Остается надеяться, что французская публика, а затем и всякая другая, поймет. Книга вызвала огромный интерес прессы, и были серьезные статьи, хотя были и такие, которые свидетельствуют о полном отсутствии хотя бы попытки понимания, с радостными восклицаниями типа: «Эротик!» Что поколебало автора в прежней уверенности в том, что произошел в наши дни небывалый духовный прогресс. Остается надеяться, что в России, где в скором времени этот документ также выйдет в свет, Нижинский найдет многочисленных читателей и встретит то понимание, о котором он мечтал. Тем более, что русскому читателю не понадобится переводчик, ведь все тетради Нижинского написаны по-русски — кроме писем, некоторые из которых написаны по-польски (к матери, например) или по-французски. «Я русский человек, — писал Нижинский. — Я знаю, что русский тот, кто любит Россию. Я люблю Россию».

В надежде, что Нижинского так же полюбит и Россия, где пока что ему и его творчеству уделялось непросто мало внимания, и совершался неожиданно обернувшийся переводом на французский мой многолетний труд — поиски оригинала, подготовка текста к печати. А то, что тетради выходят в свет на разных языках — заслуга Кристиана Львовского, убедившего Тамару Нижинскую издать полностью записки отца, ее самой, принявшей это трудное решение, а также отважившегося на это издание издательства «Акт сюд», известного уже в России своими публикациями книг Нины Берберовой и новых переводов Достоевского.

ГАЛИНА ПОГОЖЕВА

Париж

Нижинский Вацлав

23.3.95.